

18+

КОГДА ДЕМОНЫ СТАНОВЯТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

ОНИ
НЕ ЛОМАЮТ ТЕЛО —
ОНИ ПЕРЕПИСЫВАЮТ
ТВОЙ ВНУТРЕННИЙ
МИР

ХОЛИСТИЧЕСКАЯ
УГРОЗА.
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ВОЙНА.
ТИШИНА —
ИХ ОРУЖИЕ.

ТЕЛО —
ВРЕМЕННО

РАЗУМ —
ПОДКОНТРОЛЕН

ПОЗНАЙ СЕБЯ.
ИЛИ ИСЧЕЗНИ
В СВОЕЙ ИЛЛЮЗИИ.

ДАНИИЛ ТОРОПОВ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА | ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Даниил Торопов

Когда демоны

становятся реальностью

<https://litres.ru/74428698>

ISBN 9785007115421

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Десятки тысяч людей в тишине Большого театра. Препарат, тайно распыленный в зале, лишил толпу критического мышления. На сцену выходит человек и произносит: «Я — ваш Бог». Его первая воля: «Выйдите на улицу. Первый, кого вы встретите, ваш демон. Убейте его, и вы обретете спасение в моей коммуне». Пока одни окропляют кровью каменные джунгли, другие замирают пред собой. Они начинают охоту на демона внутри себя. И главный вопрос: «Кто этот человек на сцене?»

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Наша первая встреча	5
Глава 2	13
Как люди живут — я не понимаю	13
Глава 3	22
Все мы эгоисты	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Когда демоны становятся реальностью

**Даниил Михайлович
Торопов**

© Даниил Михайлович Торопов, 2026

ISBN 978-5-0071-1542-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наша первая встреча

Я просыпаюсь от кодового стука в дверь, означающего, что это мой помощник и все безопасно. Встаю, включаю настольную лампу и снимаю замок с двери. Затем сажусь за стол, кладу левую руку на курок прилепленной под столом двухстволки. Правой же рукой проверяю, чтобы дуло было направлено на дверь. Кричу:

— Входи!

Вижу руку, испачканную в солидоле. По серо-коричнево-му рукаву и кривому тату в виде лисы на запястье я понимаю, что это мой приближённый помощник, который знает обо мне куда больше, чем все остальные. Приоткрыв дверь, он говорит:

— Тут это, к тебе пришли.

Тяжело вздохнув, я убираю руку с курка и говорю:

— Кто?

— Да важная какая-то...

— Что?!!! По...

— Прости, что перебиваю. Послушай, я знаю правила, но...

— Что но!? Первый раз что ли!? Не пускать!

— Пойми, через неё проходит много важных поставок. Её люди не то, что намекнули, а показали, что могут оставить нас без еды.

— Я же сказал — не пускай.

— Тайна тайной, но людям итак есть нечего.

— ...

Тяжело вздохнув, я понимаю, что некоторым моим людям действительно есть нечего. Часть людей изранены, благо медикаментов хватает, но не еды.

После короткой паузы он продолжил:

— Дошло до того, что уже в голубей стреляют...

— Ладно! Запускай.

Помощник повернулся и крикнул:

— Мужики, делайте тщательную проверку и впускайте!

Он закрыл дверь; я, одевшись, принялся ждать гостей.

Спустя минут 12 она вошла. На ней был прекрасно сшитый белый спортивный костюм, на поясе которого красовалась бляшка в виде головы лисы. В руках у нее была кофемашина и упаковка с капсулами. На левой же ноге к голени был прикреплен пакет с выходящей из него трубкой. Сама трубка уходила в штаны. В пакете можно было разглядеть жёлтую жидкость, на дне которой был небольшой осадок чего-то белого.

Она начала разговор:

— А вот и сам Господь Бог во плоти. А я все гадала: будет ли нимб над головой, или же сама голова из света. А нет —

оказывается, иногда люди лгут. Не правда ли?

— Говори, кто ты и чего хочешь?

— Я тут решила сделать пару подношений для нашего Всевышнего. А зовут меня Татьяна Вениаминовна. О, чуть не забыла — у Вас же тут из электричества только батарейки. Как же мое подношение будет приносить Вам пользу? Хммм... Ах да, к этой кофемашине прилагается целый «Камаз» по ее обслуживанию, наполненный солнечными батареями, генератором и чем-то там ещё. Но не суть. Просто поверьте — они послужат вам, Боже, гораздо дольше Ваших мизинчиковых аналогов. И еще — настоятельно рекомендую всю подаренную мною красоту повесить на восточной стороне здания. Там солнце будет выходить ранее. После долгих ночей, думаю, это весьма важно.

— ...

— А у Вас, Боже, тут весьма неплохо. Не считите за грубость, но по- моему, это весьма иронично — Бог и в психбольнице, аха-хах!

— Мое терпение на исходе.

— Успокойтесь, Боже, не гневайтесь. По некоторым книжонкам, Вы весьма милосердны... О! А эта дыра в стене ведет, я так понимаю, к трубе для спуска грязного белья. В больнице много решёток, дверей, большая и верная охрана, да еще и вооружённая современным оружием, тысячи последователей по всему городу, которые не за Вас молятся, а...

— Хватит!

— О Боже, как мы громки! Слава Богу, перепонки не лопнули. Я уже начинаю сомневаться во всех этих разговорах о Вас. Видимо, кто-то все-таки лжёт, не правда ли?

— Ты же здесь явно не только для подношений?

— Чувствую, диалог будет долгим. Хочу подметить, что Вы весьма проницательны, Боже.

— Я повторю свой вопрос — чего ты хочешь?

— Я хочу предложить партнерство Богу. А вот в какой сфере, я еще не выбрала. Все будет зависеть от того, что я в скором времени услышу из Ваших, Господи Боже, уст.

— И зачем мне, по-твоему, сотрудничать с тобой?

— Как Вы уже знаете, в городе введен режим ЧС. Кем он окружён, Вы тоже в курсе. У Ваших людей заканчиваются запасы еды. Воду вот-вот перекроют. Зима близко, а электричество здесь роскошь. Что будет с Вашими людьми, когда наступит зима и все голуби будут съедены? Что будет, если власти, которые находятся за пределами Вашего города, решат, что жизни заложников для них не так важны, как важно удерживание и преувеличение собственной власти? Что будет, если убийца дьявола доберется все-таки до Вас? Что будет, если у Ваших людей иссякнет вера после голодных обмороков их детей? Что ждёт Ваших людей, когда весь мир в них видит лишь мародёров, грабителей, убийц и сектантов?

— Я, я не...

Сколько бы я ни пробовал просчитать идеальный вариант событий для себя и своих последователей, ответом остава-

лась только надежда на чудо.

— Я не знаю...

— Так я и думала. В общем, всего этого отчаянья можно будет избежать одним лишь рукопожатием. А бонусом для твоих людей будет буквально райская жизнь, но об этом позже. А перед этим ты мне расскажешь, как так получилось, что у простого мужичка, у которого не было ни амбиций, ни великих целей, ни ресурсов, ни будущего, ни каких-либо связей, удалось подмять под себя почти весь город, превращая людей в непоколебимых союзников, готовых буквально сжечь себя на костре во имя Господа Бога своего? И это меньше, чем за три дня.

— Я должен был.

— Да?! Создать самое страшное событие тысячелетия, убить тысячи людей, а других оставить без еды и крыши над головой? Дать, конечно, нищим надежду, пропащим смысл, героям подвиг, а верующим Бога во плоти, как буквальное доказательство их веры? Стоило ли оно того?

— ...

— Ну-у?

— Я лишь хотел...

— Чего ты хотел?

В моменты моргания я снова вижу жену и дочку. Постепенно я снова захожу внутрь своего сознания. Рядом сидит Наташа, Полина лежит на диване. Ей удалось посмотреть мне в глаза. Мы смотрим друг на друга. У неё слезится пра-

вый глазик, у меня тоже наворачиваются слёзы на глаза. А мы с Наташей понимаем, что ещё есть надежда на её выздоровление.

— Чего ты хотел?

Я чувствую боль. Я их больше не вижу. Её вопрос вытащил меня из моего подсознания. Я чувствую лишь пустоту, наполняющуюся болью. Нужно реже моргать. Кажется, я стал слаб.

— Эй, приди в себя! Я спрашиваю — чего ты хотел?

— Убереечь их.

— Кого их?

— Я не хочу это больше вспоминать.

— Понимаю, понимаю. Промыслы Господние неисповедимы, но всё же... поведай мне, Боже, истинную историю.

Я снова вижу Полинку. Вижу ее первые шаги. Вижу ее, маленькую, как она играет с котенком. Слышу ее первые детские хи-хи. И чувствую счастье, наполняющее всё мое существо.

— Ты был никем, а стал местным Богом. Хочу знать, кто дергает за твои ниточки, кто тот гений, что провернул всё это и для чего, какова его цель? И главное, как Вам удалось так легко управлять людьми?

— Это всё сделал я, сам...

— Стоп, я не в силах в это так просто поверить! Просто ты создаёшь такое впечатление что... ладно, видимо, я чего-то не понимаю. У меня идея. Давай так: ты мне без запин-

ки рассказываешь, как все началось, с самого начала. Я же решу твою головоломку: как вам всем остаться в живых и не просто в живых, а ещё и в сытости, и радости. А теперь дай команду своему подопечному, чтобы мои ребята подключили кофемашину. Мы здесь, кажется, надолго.

— Постучи в дверь так ...,,...

Она, высокомерно глядя на меня, поднимая правую бровь, встаёт. При этом не отводит от меня взгляд. Затем идет полубоком к двери. Дойдя до нее и снова не отводя взгляд от меня, ритмично стучит в дверь. Я слегка привстаю и перегружаю вес с одной ягодицы на другую, чтобы пропала отёчность ног. Помощник открывает дверь, я говорю:

— Скомандуй, чтобы наши взяли одного её подручного и провели электричество в здании.

— Я, кстати, слышала, что вы очень любите и цените тушёнку и прочее питание в жестяной таре. Так вот, мои мальчики припасли для вас подарочек. И поторопись. Мне нужен мой «Мокачино», и не вздумай расстраивать тетю...

Помощник посмотрел на меня. Я одобрительно кивнул ему. Он удалился. Татьяна села на стул напротив меня и сказала:

— Знаешь, у меня почти весь город был подмят под меня. Каждая собака, здесь живущая, сама того не зная, жила по тому сценарию, по которому именно мне нужно было. И вот очередной безумный Гений и его творение напоминают мне о теории хаоса в мире. Снова приходится все упорядочивать.

Начни-ка рассказывать мне с того дня, когда к тебе пришла, например, мысль о фонде, начиная с самого утра.

— Ладно, как всегда — проснулся, поцеловал всех, поработал, потом...

— Стоп, стоп, стоп. Не смей тратить впустую мое время! Не смей и прости — иногда я бываю вспыльчива. Учти, мое время дорого может тебе обойтись...

— Ну а чего ты ждёшь?

— Давай так, побольше деталей и, пожалуй, поближе к фонду. И знай, я собрала много информации о тебе. Но никто не скажет о человеке лучше, чем он сам о себе. Не правда ли?

— Думаю, ты права. Жаль, что я плохой рассказчик.

— А я плохой слушатель, но зато вранье за милую душу. Что ж, интересная предстоит нам беседа.

Глава 2

Как люди живут — я не понимаю

Я, впрочем, как и всегда, в субботу возвращаюсь домой пешком, шатаясь от физической усталости. Телом-то я устал, да вот мозг не дает покоя — все пытаюсь найти способ помочь Полинке. То впадаю в отчаянье от невозможности ей помочь, то в ярость и агрессию за свое бессилие. Через некоторое время чувствую упадок сил.

Мне звонит супруга:

— Андрюш, привет. Я несу заказ. Давай мысли ради помечтаем, а?

— Ну давай, и о чём же?

— Только представь: ты, я и 2,3 миллиона долларов. Это ведь макаронки будут как минимум с солью; да что там макаронки! Омар к столу, приживется итальянская пицца, паста. Мммм... Мамма миа.

— Да, я перестану видеть окровавленные носки в мусорке. Мы перестанем работать с утра до ночи и сможем посмотреть какой-нибудь сериал, спать больше 4х часов.

— О боже — до обеда. Даже в выходные, которые сейчас и выходными — то нельзя назвать. Ах, лепота. Соседей не будет слышно, потому что мы окажемся где-нибудь на море.

Никаких очередей в туалет и звяканья граненых стаканов из-за стены. Красота-а-а...

— О да, и еще вместо наждачной бумаги будем использовать бумагу с запахом. Не знаю почему, но хочу с запахом.

— Да, и чтоб слоев было много. Представляешь — многослойная, мягкая, приятно пахнущая бумага...

— Соблазн большой, мда.

— Шприц с лекарством сам себя не купит. В лотерее участвуют только европейцы, так что по пути я еще таргетку настрою, а то клиентка попалась весьма придирчивая. Люблю тебя. Пока.

— И я тебя люблю. Пока-пока, и будь осторожней.

— Не переживай. Ты же знаешь, что я сильная девочка и могу за себя постоять. А электрошокер и перцовый баллончик у меня в этом деле безотказные помощники. Целую тебя.

— И я тебя, любимая.

Услышав ее смешок, я бросаю трубку и замечаю на улице бутылку из-под пива. В моей голове пронеслось — можно создать пункт приема стеклотары. Полученное вторсырье увозить и сдавать дороже. У нас же кучи бутылок по всей округе валяются. Да и народ заработать хочет. Впоследствии, пожалуй, я этим и займусь. Итак: с супругой за 3 года и три месяца мы накопили почти пять миллионов рублей. Значит, нужно рассчитать, сколько стоит отправка «Камаза», какой именно «Камаз» будет, сколько в него влезет стеклотары, во сколько обойдется мне сама стеклотара, а еще нужно подыс-

кать место нужно для ее хранения.

Идти мне еще минут сорок, так что времени на размышления предостаточно. В этот раз нужно продумать все досконально, чтобы опять бизнес не прогорел. Главное — не сдаваться. Ах да, надо бы на велосипед эффективнее защиту поставить... Так, нужно найти надежного приёмщика, чтобы не сбежал с полученными от меня деньгами. Если сам встану на приёмке, то по времени, получается, только с 3х до 4х ночи. Чтобы не прогореть, нужно принимать от N бутылок, исключения явно...

Мои мысли прерывает звонок от старого друга, с которым мы учились в школе.

— Андрюх, привет. Сколько лет, сколько зим мы с тобой не виделись?

— Здорово, да лет шесть, наверное.

— Да, точно. Слушай, как семья, как дети?

— Семья нормально, с Полиной тоже все хорошо.

— Андрюх, ну мне-то не заливай. Я слышал: ты миллионы собираешь с супругой на залу ген пу, залу...

— Золгенсман.

— Да, точно. Я тут, знаешь, важной шишкой стал и хочу помочь.

— Мы сами заработаем, помогать не надо.

— Сами, Андрюх, вот именно сами. Я просто поспособствую. Смотри, мы снимаем видео про Полину, делаем фото, запускаем сайт, открываем счёт, создаем горячую линию,

берем эфирное время на главном Госканале. Можно выпустить кондитерские изделия с любой надписью. К примеру, «Помоги Полине». Договоримся с рекламой на автобусах, электробусах, трамваях, в метро... И всё — деньги потекли. Ну а дальше? Дальше виза и там ты уже всё, наверняка, знаешь сам. Давай я завтра к вам заеду, дома будешь?

— Ну не знаю, надо подумать.

— Андрюх, что тут думать. Вы вот сколько собрали?

— ...

— Жить ей сколько осталось?

— Толян.

— Что, Толян!? Я спрашиваю: «Сколько твоей дочке жить осталось?»

— Если верить врачам, то месяца четыре-пять.

— Ну что? Успеваете с Наташкой.

— Да я что-нибудь придумаю.

— Придумает он, ага. Что лучше брать- сосну или липу? Здорово. неменьжуйся, я все уже придумал. Завтра в три буду, ждите.

Толян положил трубку. Думаю: стеклотарой я явно не собираю нужную сумму, да и Наташу то и дело заказчики кидают. Мои проекты реализовать не получилось — они оказались убыточными. Пожалуй, приму его помощь, но нужно с Наташей обговорить — что она думает по этому поводу. А что если начать...

Так, мозг, успокойся, успокойся. Сигареты с семенами.

Да заткнись и успокойся!!! Ветки- букетки. Да какие нахрен ветки-букетки! Угомонись, мозг! Прокладки-насадки, анти гоп-карта, города — провода, а-а-а-а ... Местные бандиты за-контрят карту, или же лучшие места для гопа. Все! Нужно срочно сожрать пару таблеток успокоительного.

Съев успокоительное и пройдя минут тридцать, успокаивая свой мозг и ища подходящие идеи, как заработать, я обходил гоп точки, чтобы не ограбили. Начиная подходить к подъезду и замечаю, как на лавочке сидят Таня и Окса. Обе беременны, месяц примерно пятый. Одеты в мини юбки и сланцы, яркие футболки с блестящими принтами, черные поношенные кожанки и одинаково розовые кепки. Слышно их из далека. Тонкие сигаретки в зубах, возле них стоят три бутылки плузера объемом 1,5 литра. Они поздоровались со мной:

— Привет, дядь, ну чё там, Полинка-то жива еще?

— Да, с ней все в порядке.

— Конечно, в порядке, никто и не спорит.

— ...

— Не, дядь, тут реально прям уважуха, я б так не смогла.

Респект, уважуха, фу, блядь, тьфу...

Таня засмеялась и сказала:

— Ну все, Окса, походу опять накрыло.

— Дамы, мне некогда, меня ждет Полина.

— Знаешь, сука ты, сосед. Я из-за тебя себя такой гнидой порой ощущаю. Гандон штопанный, побудь хоть раз нормаль-

ным мужиком, брось своего заморыша и заходи ко мне позабавиться. Напиточка выпьем, чистенького медицинского. Подружания вон моя на лавочке посидит. Да, подруга?!

— Ой всё, понеслась пизда по кочкам! Во имя Амура, хоть всю ночь лобызайтесь. Аха-ха-ха!!!

— Извините, дамы, мне пора.

— Сука ты, сосед. Вот был сукой, гнидой и ссыклом. Сукой, гнидой и ссыклом остался. Понял, да? А мы с подружкой отдыхать удалимся. Да, подружания?

— Выпьем же, подруга дней моих суровых?!

— Да ты поэтесска моя. Иди чмокну, прибухнем, а может, потом кого и приголубим, ммм...

Войдя в тёмный подъезд, я споткнулся об кого-то. От лежащего на полу ни звука. Я посветил телефоном — он был в крови и явно избитый. Спит с перепоя. Мужик, видимо, с другого района. Пульс есть. Пошёл я дальше. Время хоть и ночь, но жизнь вокруг кипит: где-то шум и музыка, где-то разборки, где-то типичная для этих мест ругань. Молодёжь на лестнице явно запрещённой опять балуются.

Я вошёл в комнату в общежитии, снятую нами не так давно. Комната больше напоминала коридор, зато аренда самая низкая в городе. Уже даже и не особо больно вспоминать старую, нами проданную квартиру. Места в ней, конечно, было вдоволь. И район спокойный. Точно уж не эта клоака, куда сбрасывают всех иродов вместо пятого круга ада. Зато появились первые деньги для Полины.

Наша соседка тетя Тамара сидела на кровати и с умилением смотрела, как сопит Полинка. Она очень осторожно повернулась, чтобы не побеспокоить девочку. Показала, улыбаясь, чтобы мы вышли в подъезд — маленькая зайка не должна проснуться.

— Спасибо, тетя Тамара, не знаю, как бы мы без Вас справлялись.

— Андрюш, это тебе спасибо большое с Наташенькой, что позволяете сидеть с этим ангелочком. Я же совсем одна, и никого у меня нет. Я на пенсии сижу да в окошко всё гляжу. А что мне ещё делать? А тут такой ангелочек! Так бы и сидела всю ночь под ее сопелки, глядя на ее милую мордашку. Андрюш, слушай, у неё боли снова были. Никак уснуть она не могла. Они появляются всё чаще и чаще. Мне страшно за бедненькую девочку. Нужны ещё уколы. Ой, чуть не забыла. Ты, Андрюша, на столе посмотри — я вам покушать оставила и...

— Ну, тетя Тамара...

— Ничего не хочу слышать. Всё, иди ешь. И дочу свою поцелуй, а на столе там денежку вам оставила.

— Теть Та...

— Я сказала же — ничего не хочу слышать. Всё-всё, иди. А то стоишь, весь шатаешься, как ванька-встанька. А мешки под глазами? Дед Мороз позавидует их вместимости. Иди, говорю.

— Уколы в белой коробке в шкафу, тетя Тамара, и ещё

раз — огромное спасибо.

— Иди, услышала я тебя.

Я снова вошёл в комнату, очень стараясь ничего не сбить. Меня раздражал и этот скрипучий пол, и эти постоянные крики за стеной. На столе лежали конверт и тарелка с блинами, завернутая в целлофановый пакет. Не став ничего есть и поцеловав Полину, я прилег на пол возле одноместной кровати. Затем укрылся курткой и отправил начальнику смс, что завтра беру выходной. Как только я закрыл глаза, мысли полезли одна за другой.

— Этот мир прогнил, ты жалок, бесполезен. Бедность, маргинальность, бездуховщина, обман, психи, глупость, лень, негатив, паразитирование, надежда, принижение — это все, что тебя окружает. Тебе это не нужно. И ты оставишь её в этом мире? Что ей этот мир даст? Спаси ее от мук реальности. Ей больно. Подари покой, вечный покой. Спаси её от боли.

Слышу звук смс, достаю телефон и читаю:

— Как хочешь, деньги с брынзинской наши.

В ответ пишу:

— Ок.

Закрывая глаза, понимаю, что не в силах даже сопротивляться этим мыслям. Что ж? Если я их слышу, то это не значит, что я сделаю так как они скажут. Наверное, эта мысль должна меня успокоить, сопротивляться страшным мыслям сил нет. Если тянуться за успокоительным, могу разбудить

моего маленького Ангела. Что ж, я готов.

Даруй ей вечный покой, спаси её от боли, сделай ей лучше. У тебя ничего не выйдет, ты не спасёшь ее, у вас не хватит средств. Ты плохой отец, и дочка твоя умрёт сама. Или же ты спасёшь её от пути боли. От долгих путей боли лишь ты сможешь спасти её. Перестань её мучать жизнью, убей родимое дитя, и восславится покой и блаженство в вашем мире.

Глава 3

Все мы эгоисты

Просыпаюсь от того, что Наташа зашла в комнату. Открываю глаза. Заметив, что я проснулся, шёпотом произнесла:

— Спи, спи, я сейчас тоже прилягу.

— Я выходной взял.

— Хорошо. Мазь в тумбочке. Цемент смыл?

— Нет, мы его не таскали.

— Поняла, отдыхай. Ты заслужил.

— Сегодня друг зайдет. Он хочет благотворительный фонд открыть.

— Молодец, пускай помогает нуждаю, нуждаю, хах, ну ты понял.

— Он нам поможет.

— Завтра поговорим. Мне четыре часа спать осталось.

— Ложись, я сам приберу.

— Подожди, я пост напишу, а приборку оставь на завтра.

Наташа дописывает пост, я закрываю глаза и слышу, как она достает очередные фотообои. Нацепив их на дверь, делает селфи. Затем целует Полинку и, тяжело вздохнув, ложится рядом со мной.

— Ты опять без матраса спишь.

— Ну, на коврике тоже удобно.

— Бу, бу, бу, на тебя сейчас постелю.

Она постелила матрас, легла рядом и укрыла нас пледом.

— Знаешь, а мне опять не заплатили.

— Не бери заказы в интернете.

— Понимаешь, доставок еды не так много. К тому же и заказывают всё меньше и меньше. Часто приходится ждать очередной заказ. И вот, пока жду, пытаюсь чем-то полезным заняться. Кстати, я потом тебе скину ссылку — оформи карту. Там тебе тысячу закинут бонусами. Если захочешь на технику потратить, то купи мне повербанк на 10000. Поставь напоминание, чтобы через 21 день карту заблокировать, а то обслуживание платное. На столе несколько флаеров в блин-ную. В одном месте флаеры не трать, там строго: 1 флаер = 1 человек. Ах да, и на братьев Серебряковых, 14 бесплатно симки раздают. Возьми, попользуйся. На них 100 минут разговоров и 7 гигабайт. На Повелецкой в старом театре курятину с лопаты малоимущим снова, наверное, будут раздавать. Скоро же выборы. Сходи и забери. Это в 11 примерно начнется. Иди заранее, будет давка.

— Ты ж моя умница.

— Я знаю.

Наташа тяжело вздохнула и сказала:

— Мы экономим каждую копейку, каждую песчинку. Все, что можно было, продали. А это все равно капля в море по сравнению с тем, сколько нам необходимо. Как ты думаешь

— мы на верном пути?

— Я бы не смог простить себя, если бы не постарался так, как стараюсь сейчас. Да и свернуть с пути я просто не могу.

— Знаешь, я когда заказы жду, руки опускаются. Почему-то вспоминаю времена, когда я была маленькой. Смотрела фильмы, и там все так хорошо, потом трудности, а потом...

— Хэппи-энд.

— И ты их смотрел, да?

Она хихикнула, чмокнув при этом меня в шею.

— Это, наверное, глупо и наивно, но я верю, что и у нас будет хэппи-энд.

— Я думаю, то у нас и так все хорошо. Я живу так, словно мне, кроме вас двоих, больше никто и ничего не нужно. Когда вас нет рядом — страдаю. Приходится оправдываться перед самим собой. Понимаешь: напрягаюсь и думаю, чтобы себя успокоить, будто я не понимаю, что я не рядом с вами. Если рядом вы, то я просто, понимаешь, чувствую себя, что мне хорошо, что мне приятно жить. Мысли, правда, иногда не очень хорошие одолевают, и тогда руки опускаются. Если появляется хоть какая-то надежда, что у Полинки всё будет хорошо, то я тогда ощущаю очень приятное спокойствие. Наверное, это и называется счастье. И пусть это прозвучит как-то плохо. Мы же договорились говорить друг другу только правду, да?

— Не переживай, дорогой. Я пойму и всегда поддержу те-

бя, в любой, запомни, в любой ситуации. Я люблю тебя.

— А что, если не вы мне важны, а ощущение того, что мне просто спокойно и приятно с вами жить? Словно вы в моей жизни просто инструменты для получения этого ощущения.

— Ого. Я тоже хочу попробовать. Все мои мысли только о вас. Если я что-то делаю, то это тоже с вами связано. Я представляю — вас нет. Внутри сразу словно пусто, словно меня нет, а все вокруг есть. Понимаешь, есть внешний мир, и в нем звуки, запахи, шум улиц, другие люди. Их слова пронизывает меня насквозь и наполняют меня. А меня, ну как бы моего Я, того чем я переполнена и делюсь со всеми, той я уже нет. Она, понимаешь, мертва. Получается, что с вами я жива, а без вас я то, что насобираала, пока иду от аптеки до дома. Так называемый ходячий зомби. Я боюсь умереть. Не физически, а вот так — внутренне, ментально. Боюсь смерти своего Я. Сейчас как сделаю кусь.

— Что?

— Кусь...

Она укусила меня за мочку уха, я поцеловал ее в нос. Она, улыбаясь, зевнула, а затем спросила:

— А что там друг твой, этот ну...

— Засыпай, завтра поговорим.

— Никогда бы не подумала, что, кто — кто, а вот мы, именно мы с тобой эгоисты. Получается, я полюбила эгоиста.

— В этом мы с тобой похожи.

Она, улыбаясь, закрыла глаза. Я тихонечко встал, попра-

вил плед на Наташе, поцеловал спящую Полинку. Затем взял деньги из конверта, открыл схрон, подняв поломанную доску на полу, и положил в конфетницу деньги. На часах 7:18. Судя по дыханию Наташи, она уже спит. А я решил прогуляться.

Тишину в подъезде перебивает только скрип входной двери и храп всё того же избитого мужичка. Подойдя к нему, я присел рядом и, взяв его за плечо, начал тормошить:

— Мужик, проснись, вставай.

Он будто бы без сознания, а тело храпит самостоятельно.

— Ну что ж, сам напросился.

Поворачиваю его носом кверху:

— Последний шанс, мужик, проснись уже.

— Хррр...

Даю ему мощную пощечину. Он не то, что захрапел, хрюкнул 2 раза. Перекрываю нос и придерживаю краем пальца окровавленный подбородок. Губа приподнялась. Дышит сквозь отсутствующие зубы.

— Да ну тебя, сука.

Встаю и, подходя к выходу, слышу, как мужик начинает орать:

— Володя, сука, бабки верни! Ты у меня занимал, тьфу блядь. Володя-я-я! А-а-а-а! Тьфу, да слети ты уже проклятая соплевуха, фу, блядь! О-о-о-о, моя голова...

Я подошёл к нему. Он пытался высморкаться. После удачной попытки плюнул на пол и вытер руки об себя. Я носком

ботинка пнул ему по обуви и произнёс:

— Не ори, тут дети спят, и убери за собой.

— Да пошёл ты...

— Это уже наглость.

Поставив ногу на его лоб и дождавшись, пока он посмотрит мне в глаза, толкаю ногу так, чтобы он легонечко ударился головой об пол. Его затылок ударяется о бетон, а голова отскакивает несколько раз таким образом, что я невольно вспоминаю свою детскую игрушку ваньку-встаньку.

Он начинает невнятно ныть, пуская слюни.

— Да, блядь плохо, волдя, жуть, тфу, блядь.

Из квартиры выходит соседка.

— Э! Вы чё!? Охерели, блядь, у меня дети спят...

Увидев лицо этого мужичка, ее тон меняется.

— О, так это ж наш неподражаемый господин коллектор. Сыч ебучий! Че, сука, опять за бабками приходил? Правильно, нехер в долг давать. И это, давайте-ка отседа, а то шас вон тряпками отпизжу.

— ...

— О соседушка, тебя в темноте-то и не видно. Ты его это, за шкварник-то возьми, да и выбрось как кошку засранку у подъезда. И пинка еще дай, чтобы неповадно было. А то загадит нам тут всё, а нам потом парашник его обходить. Ну все, бывай, соседушка. Наташе и Полинке привет.

— Володя! Иди сюда, драться будем!

— Хотя знаешь, соседушка, я подожду, пока ты этого за-

дрыстёныша на улицу спровадишь. Вдруг не получится, так я его тряпкой отпизжу.

— Договорились.

Найдя сухое место на воротнике, я хватаю его и начинаю тащить на улицу.

— Пшта ты, тьфу, сопля блядь повисла.

Он начинает нелепо выползать из рубашки. Беру руку и продолжаю вытаскивать его на улицу под сопровождение его звуков:

— Пшты кже, падла! Падарасы! Уки-и-и! Ипаные блее-адь! Тьфу, падла, сука!

Соседка, тяжело вздохнув, сказала:

— Да ёб твою мать, что за мужики-то пошли, а? Один другого дрыщее. Все токо бабам и остается делать.

Соседка подошла к нам и замахнулась тряпкой, чтобы ему по морде заехать, но остановилась:

— В пизду, спидозный поди ещё какой, токо тряпки на уродов переводить. Ну его нах, вытаскуй его. А я пошла, и руки потом не забудь спиртиком протереть, а то мало ли чего. Сразу видно — гандон заразный. Ишь, какой страшный еблет. От фильмов про зомби и то меньше воротит.

Вытащив его на улицу, бросаю на траву и говорю:

— Мужик, ты это, домой иди, умойся, проспись.

— Нет у меня дома, и супруги нет, и дочь...

— Что дочь?

— Нахер послала.

— Слышь, мужик, мне, конечно, хочется помочь. Но противно очень. Не до тебя сейчас. Ты это... не шуми, главное. Понял?

— Все меня бросили, никому не нужен, как с тряпкой обращаются.

— Давай, я в общих чертах одну мысль тебе скажу: если ты тряпка, то вон там, видишь, знаменитейшая на всю округу вышка. Иди, залезь на нее и сигани вниз. Не мешай людям жить. А если ты мужик, так встань и борись за свое существование. Фу, блядь, и вонище от тебя хуже, чем от ссаной тряпки.

Я замечаю, как его глаза стали смотреть не на материальные внешние объекты, а вглубь, в глубину себя.

— Слышь, мужик, надеюсь ты сделаешь правильный выбор и главное это... назад не поворачивай, а то все зря будет.

— С, с, ш-ш-ш спаси...

— Что?

— Я хо, х, хотел сказать...

— Громче!

— ...

— Сейчас можно.

— Спа-си-бо.

— Еще громче!

Он принял позу собаки. Его руки впиваются в землю, сопля тянется от носа до земли, капают слезы. Шмыгнув носом и убрав соплю, он снова кричит, что есть мочи:

— Спаси-и-ибо-о-о-о!!!

Голос звучит так, словно барана научили говорить.

Со второго этажа заорала какая-то бабка, другие подхватили ее крик:

— Я щас как выйду, как вам покажу кузькину мать!

— Опять солевые разорались, блядь!

— А я щас пиздюлей кому-то вставлю.

— Кому там морду надо начистить?

— Хватит орать!

Слегка усмехнувшись, я спокойно спросил у мужика:

— Ну что, выбрал, мужик?

— Я буду бороться...

— За что бороться-то будешь, мужик?

— За то, ради чего стоит жить эту дерьмовую жизнь.

— И ради чего стоит жить эту дерьмовую, по-твоему, жизнь?

Его глаза забегали, Он задумался. Голова опустилась.

— Что ж, удачных тебе поисков,

Я начинаю уходить, шатаюсь от бессилия и обезвоживания. Мужик встает и тихим, но уверенным голосом, словно и не мне, а самому себе, говорит:

— Борись, ссаная тряпка, ух как борись, ух.

С чувством гордости за него я пошёл прогуляться по округе. Думаю, он наладит свою жизнь.

Проходя мимо парка, увидел, как молодые пацаны в нескольких метрах от меня снимают колеса автомобиля:

— Чё вылупился?! Иди, куда шёл!

Я отмахнулся от них, всем своим видом показывая, что меня не волнует, чем они занимаются. Уходя, я продолжал слышать их разговор.

— То-то же, иди давай, да поживей! Э, алё?! А ты чё на стреме не стоишь!?

— Э! Больно.

— Дебил, а вдруг это его тачка? Шпала, давай быстрее.

Я шёл дальше, эти двое сверлили меня взглядом, пока третий снимал колесо. Вдоль парка на столбах были красные граффити дракона с мечом в груди. Идя к центру города, я увидел светловолосого мальчонку лет 12 в толстовке с одетым капюшоном. Он трясся, поднимая камень с земли. Затем, держа его в руке, стал посматривать на большое окно в кофейню. Взгляд то и дело возвращался к камню, а затем снова на окно. Он то замахивался, то останавливался. Когда он увидел, что я смотрю на него, то резко отвернулся и попытался положить камень в карман. Но не попал, и камень выпал. Мальчишка начал приседать за камнем. Я медленным шагом подошёл к нему. Стало слышно, как он задерживает дыхание, делая большой вдох носом. Я трогаю его за плечо. Дрожь проходит по его телу, а он сам резко подскакивает. Поворачиваясь ко мне и убирая мою руку, в резком прыжке кричит:

— Отстань от меня! Иди, куда шёл!

— Успокойся.

— Чё те надо, а?

— Да мне-то ничего.

— Вот и иди, куда шёл.

— Красивый камень, а?

— Очень, он, он, он морской.

— Дай-ка я посмотрю.

— Нельзя, это мой. Это, это подарок — вот. На него только мне можно смотреть.

— Зачем же тогда царапать такой красивый камень об окно?

— Иди, куда шёл, отстань от меня.

— Тебя как зовут?

— Костя я.

— Нафига оно тебе, Костя, стекла ломать, а?

— ...

— А если бы у тебя дома окна разбили, тебе бы было приятно?

— Они выбиты, там картонка.

— А отец почему окна не вставит?

— Как с работы предков выперли, так отец целыми днями бухает, некогда ему.

— А мама что?

— Пилит его, да всем жалуется. Получается, тоже занята.

— На что жалуется хоть?

— Отец пьянь стал, вообще на все забил. Мать целыми днями пилит и отца, и меня. Не пилит только тогда, когда

ночью в красивом платье погуляет. Говорит мне, что я старший и должен уже деньги в семью приносить. Да и какой вообще толк от меня — никакого, и ей очень жаль переводить на меня еду. Говорит, что только она всё для семьи делает, а что делает — не говорит. Только пилит и ночами гуляет. А я стараюсь. Это я картонку поставил, для семьи, понимаешь, я поставил, а она не слышит! Весь её сказ: иди, деньги зарабатывай. Хоть на паперть какую-то, говорит, иди. А я даже не знаю, где это. В Згисе нет такого, нет. И куда идти — непонятно.

— Понимаю, больно слышать это от родных и близких. Но одно понять не могу — кафе закрыто. Поверь мне: оттуда уже всё ценное вынесли. Зачем ты туда лезть собрался?

— Да не, я не лезть.

— Ну а зачем тогда?

— Понимаешь, ничё, что я на ты?

— Андрей.

— Костя. Если я окно разобью, то меня полицейские заберут в тюрьму. И тогда маме с папой и сестре, вот, больше достанется огурцов с подвала. Говорят, что там кормят, ну в тюрьме, вот я и...

— Костя, что ж с тобой делать-то, Костя.

— О! Скажи, что я тебя ограбил и...

— Так стоп, стоп, стоп. Вот тебе деньги. Покупай на них еду, когда совсем кушать нечего. Гречку не бери — цены подскочили. Рис бери подешевле. И выборы сейчас, там

еду...

— Да, я знаю. Знаю это место. Я туда точно пойду. Говорят, детям точно еду дают, если они кричат, чтобы мамы и папы голосовали за кого-то типо хорошего... Ого, вот это котлета, спасибоще. А что я сделать-то хоть должен?

— Еды домой купи.

— Ниху...

— Эй, эй, эй... Не матерись, а то заберу.

— Всё, молчу. Сестра как-то говорила, что доктор мом вкусный... Все, я побежал! Сестру порадуя! Спасибо, Андрей.

Костя, спрятав деньги в носки, второпях помахав мне рукой, побежал. Я смотрел на него и видел, как счастливый ребёнок в припрыжку бежит домой. Я только что помог не знакомому мне ребенку. А своей лапушке помочь я не в силах. Надо гнать эти мысли. От них только хуже на душе. Ведь я ради семьи живу. Какую же я сотворил глупость, дав денег чужому ребенку! Дебил, одним словом. Главное — не загоняться, надо бы выпить успокоительное.

Я проглотил таблетку. Пришло осознание, что если я хоть кому-то помог в этой жизни, то совершил правильный поступок.

Собравшись с мыслями, пошёл гулять дальше. На этот раз не выбирая маршрут -куда глаза глядят. Вскоре я увидел доску с объявлениями. Раньше здесь висели объявления о найме на работу, информация о выставках, концертах. Теперь здесь

«красовались» оборванные анкеты людей для приема на работу и разрисованные лица избирающихся. Пройдя еще пару кварталов, увидел грузовик, вокруг которого сотни людей ждали получение заветного пакета. Это было приурочено, конечно, к выборам. Заграничные волонтеры вручали предметы первой необходимости. Не обошлось и без пиара — всё происходящее снимали на камеры.

Полиция лениво наблюдает, как толкается народ, как кто-то ушлый успевает получить несколько пакетов, а у кого-то выхватывали вожаденный подарок. Волонтеры пытаются всех успокоить, наладить порядок. Только у них это не особо получается. Толпа — она и есть толпа.

Я понял, что с такой очередью и мизерным остатками гуманитарной помощи ничего не получу. На избирательное мероприятие идти тоже не стоит. Скорее всего давка будет и там. Я направился дальше. На этот раз решил сходить в церковь — благо, время позволяло. Приближаясь к церкви, замечаю вдалеке попрошайку. Он приободрился, увидев меня, но продолжал сидеть также у тропинки. Я демонстративно отвернулся, а затем снова посмотрел на него. Хитрец! Он пытался симитировать отсутствие руки. Увидев, что я это заметил, мнимый инвалид опустил голову и глубоко вздохнул. Расстояние между нами сокращалось. Он смотрел на меня очень жалобно. В руках держал шапку. По мере того, как я приближался, его рука сжимала шапку все крепче. Немой взгляд молил о помощи. Прошагав мимо него, я услышал тя-

желый вздох у себя за спиной:

— Эх...

Пройдя ещё, я услышал:

— Эх, тяжело-то как, нечего кушать. Хоть бы один проходящий помог...

На моем пути возник ещё один попрошайка. Он спокойно сидел у тротуара на траве. Как только он увидел приближающуюся к нему фигуру, так сразу у него начался приступ — он упал и стал дергаться от боли. Это не помешало ему протянуть ко мне руку и, тихонечко поскуливая, просить у меня милостыню. Я сказал:

— Не, парниша, в театральный не возьмут.

Сверху донёсся низкий мужской голос:

— Э мужик, к твоему сведению, чтобы ты понимал. По ночам они обсуждают свои театральные, как ты сказал, постановки — как у людей деньги эффективнее выманывать.

Посмотрев вверх, я увидел балкон, с коего виднелась та-туированная рука с изображением неизвестных мне рун. В самой же руке находилась дымящая сигарета.

— Много собирают?

— Столько, что сам пытался к ним устроиться.

— Если не секрет, то почему не взяли?

— Дайка вспомню, непри, не правила, не привилегированный я.

— А я гляжу — расправы ты их не боишься, если клиентов их пугаешь.

— Верующего Бог бережёт, а неверующего дробовик.

— Хорошо сказано.

Слышно, как женский голос с его квартиры кричит:

— Вась, сериал начался!

— Да слышу я! Иду.

Басик летит на дорогу. Попрошайка, недавно стонущий от боли, сидит на траве, уставившись в одну точку.

Вдруг я вижу, что из-за угла пулей выбегает мужик бомжеватого вида. В руках он держит белую рубашку и синие брюки. Он бежит так, словно за ним дикий пес гонится. Из-за того же угла выбегают мужики в черных кожанках с криками:

— Стой, сука, убью! Э! Пузан! Хули лежишь — лови его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.